А.Н. ОСТРОВСКИЙ

Не так живи, как хочется

Александр Николаевич Островский

Александр Николаевич Островский. НЕ ТАК ЖИВИ, КАК ХОЧЕТСЯ. (Народная драма в трех действиях)
ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ
ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ
ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ
- СЦЕНА I
- СЦЕНА II
- Комментарии

Александр Николаевич Островский

НЕ ТАК ЖИВИ, КАК ХОЧЕТСЯ

(Народная драма в трех действиях)

Лица:

ИЛЬЯ ИВАНОВИЧ
зажиточный купец.

ПЕТР
его сын.

ДАША
жена Петра.

АФИМЬЯ
их тетка.

АГАФОН
мещанин из уездного города.

СТЕПАНИДА
его жена.

ВАСЯ
молодой купеческий сын.

СПИРИДОНОВНА
содержательница постоялого двора.

ГРУША
ее дочь.

ЕРЕМКА
кузнец.

ЯКОВ
ямщик.

ИВАН
молодец в доме Петра.

ДЕВУШКИ И ПАРНИ.

Действие происходит в Москве, в конце XVIII столетия, на масленице. Содержание взято из народных рассказов.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Сцена представляет русскую комнату; налево два окна; прямо дверь и направо дверь; по стенам лавки, на левой стороне деревянный стол и скамья.

Явление первое

Афимья и Даша.

Афимья. Чует мое сердце!.. не добро оно чует!.. Да чему и быть хорошему? Ни миру, ни ладу в семье! Знать, уж Бог вовсе отступился от нас, глядючи на наше непутное житье. За грех за какой-нибудь наказанье экое Петру Ильичу, да за наше неумоление. И на чужого-то смотреть на беспутного сердце мрет, а то, легкое ли дело, свое детище!.. да еще женатый!.. Хорошо, что мать-то Бог прибрал, а то каково бы ей на это глядеть-то!.. отцу супротивник, жену замучил!.. В кого такой уродился? Теперь дни прощеные, и чужие мирятся, а у них и вставаючи и ложаючись брань да перекор. Ну, где он теперь шляется? Ждали, ждали обедать, а его и слыхом не слыхать!.. Всю масленицу гуляет, скружился, как угорелый.

Отец-то пришел полюбоваться на наше житье: есть на что радоваться! Чем бы погостить, а он домой собрался.

Даша. Не говори, тетушка, уж и так тошно.

Афимья. Да что не говорить-то! Нешто не правда?

Даша. Что же, тетушка, что же мне делать-то? Завез он меня на чужую сторону украдучи.

Афимья. Плоха жена, от которой муж гуляет.

Даша. Измучилась я! Все сердце он из меня вынул! Отца не слушает, а я что?

Афимья. А ты жена, не чужая.

Даша. Хуже чужой я ему теперь.

Афимья. Ты, видно, Даша, уж такая горькая зародилась, да вот и к нам-то несчастье принесла! Точно как по то стало.

Даша. Не я к вам несчастие принесла. Пока любил меня Петр Ильич, так и жил хорошо, а разлюбил — Бог его знает, что с ним сталось, — и стал гулять.

Афимья. Кабы ты жила с ним, как жене следует жить, другое бы дело; а то где же это видано, ровно ты, прости господи, как полюбовница какая, виснешь ему на шею. Нешто жене так подобает?

Даша. Чудно́е это дело с ним сделалось! Думаю я, не придумаю. (*Плачет*.)

Илья Иванович входит.

Явление второе

Те же и Илья Иванович.

Илья. Дарья, не плачь, не гневи Бога! Снявши голову, по волосам не плачут.

Даша. Батюшка, куда ты собрался?

Илья. Пойду от вас прочь. Я и смотреть-то на вас не хочу, не стоите вы того. Придешь к вам на неделю-то, ровно в омут.

Даша. Ты хоть сына-то подожди, да поговори ему.

Илья. Подожду, поговорю ему в последний раз, крепко поговорю. Ведь гибнет! С экой-то жизнью добра нечего ждать! Такие-то люди близко беды ходят. Хочет — послушает, хочет — нет, а я старый человек, мне покой нужен, пора и свою душу вспомнить. Будет, пожил в миру, всего насмотрелся, только дурного-то больше видел, чем хорошего. С тех пор и свет увидал, как у братца в его келье живу. Вот немножко прошел по Москве, всего-то от монастыря до вас, а сколько мерзости-то видел! Народ-то словно в аду кипит: шум, гам, песни бесовские! Вот вчера, говорят, двоих мертвых на улице подняли да один в прорубе

утонул. Христианская ли это смерть! Куда они угодили? Какое житье в миру-то нынче? Только соблазн один. Сын вот родной и тот что делает. Нешто я его так воспитывал-то?

Входит Петр.

Явление третье

Те же и Петр.

Илья. Где погулял, добрый молодец?

Петр. В Москве места много, есть где погулять, была б охота.

Илья. Досыта ль нагулялся?

Петр. Погулял-таки. Ты, батюшка, куда собрался?

Илья. Бежать хочу, закрывши глаза.

Петр. Что ж не погостишь с нами?

Илья. Надоело мне глядеть-то на тебя, живешь больно нехорошо.

Петр. За что, батюшка, гневаешься? Чем мы так провинились перед тобой?

Афимья. Чем? Не ты б говорил, не мы бы слушали, беспутные твои глаза!

Петр. Не твоего разуму это дело.

Даша. Батюшка серчает, что ты все гуляешь да со мной дурно живешь.

Петр. Ты, что ль, нажаловалась?

Илья. Что жаловаться-то! Разве я сам не вижу, что живешь не по-людски!

Петр. Эх, уж, видно, мне не жить по-людски… на меня, должно быть, напущено.

Илья. Это что за речи?

Петр. Загубил я себя с тобой! Связала ты меня по рукам и по ногам.

Даша. Ты мучитель, ты кровопивец!

Илья. Что вы? При мне-то? (*Грозно*.) Молчать! Ты, никак, ума рехнулся! Тебя нешто кто неволил ее брать? Сам взял, не спросясь ни у кого, украдучи взял, а теперь она виновата! Вот пословица-то сбывается: «Божье-то крепко, а вражье-то лепко».

Петр. Она меня приворожила чем-нибудь… зельем каким ни есть.

Илья. Не говори, не греши! Что тебя приворáживать, коли ты и так ровно чумовой. Своевольщина-то и все так живет. Наделают дела, не спросясь у добрых людей, а спросясь только у воли своей дурацкой, да потом и плачутся, ропщут на судьбу, грех к греху прибавляют, так и путаются в грехах-то, как в лесу.

Петр. Да что ж, батюшка, делать-то? Как еще жить-то?

Илья. Живи по закону, как люди живут.

Петр. Ну, а я вот загулял… Что ж такое? Нынче дело масленичное. Уж и не погулять? Масленая-то один раз в году бывает. Мне что за дело, как люди живут; я живу, как мне хочется.

Илья. Известно, по своей воле легче жить, чем по закону; да своя-то воля в пропасть ведет. Доброму одна дорога, а развращенному десять. Узкий и прискорбный путь вводит в живот, а широкий и пространный вводит в пагубу.

Петр. Не все гулять, придет время, и поправимся, и сами будем других учить; учить-то не хитро. Теперь и погулять-то, когда гуляется. Ты, батюшка, сам был молод.

Илья. Так что ж? Нешто я так жил? Молод, так и распутничать! Не для веселья мы на свете-то живем. Не под старость, а смолоду добрыми-то делами запасаются. Ты оглянись на себя: дома ты не живешь, знаешься с людьми нехорошими, жену обижаешь. Что ж у вас дальше-то будет, скажи ты мне?

Петр. А что будет, то будет. Проживем как-нибудь — своим умом, не чужим.

Илья. Ну, так и живи! А я видеть этого не хочу! И говорить-то мне тяжело. Что говорить? кому говорить? Кабы разум был, а без разума и ученье

не впрок.

Петр. А нет, так и негде взять. На нет и суда нет.

Илья. А нет, так наберись у добрых людей, да проси Бога, чтоб дал, а то, как червь, погибнешь! (*Встает*.) Прощайте! Коли будете жить хорошо, так приду о празднике, а до тех пор и не ходите ко мне, мне и так суета надоела. Помни, Петр! перед твоими ногами бездна разверстая. Кто впал в гульбу да в распутство, от того благодать отступает, а враги человеческие возрадуются, что их волю творят, и приступают, поучая на зло, на гнев, на ненависть, на волхвование и на всякие козни. И таковым одна часть со врагом. Выбирай, что лучше: либо жить честно, в любви у отца, с душой своей в мире, с благодатию в доме; либо жить весело, на смех и покор людям, на горе родным, на радость врагу человеков. Прощайте! Петр, наступают дни великие, страшные, опомнись. Вот тебе мой приказ, родительский приказ, грозный: опомнись, взгляни на себя. Прощайте!

Афимья. Ужели так уйдешь? Нонче дни проще-

ные[1], все люди прощаются.

Даша. Батюшка, прости нас.

(*Кланяется в ноги.*)

Илья. Простите и вы меня.

Даша. Благослови нас.

Илья. Вас благословить? Сто́ите ли вы? Нет, вы подождите моего благословения до той поры, пока будете жить хорошо. Порадуй меня, Петр! Лучше совсем не жить, чем жить так, как ты живешь. Благословенье отца нужно: без благословенья пропадешь, как пес. (*Уходит. Все провожают его. Афимья уходит за ним.*)

Явление четвертое

Петр и Даша. Петр садится к столу и задумывается.

Даша. Слышал, что батюшка-то сказал?

Петр. Отстань!

Даша (*подсаживается*). Послушаешь батюшку, будешь любить меня по-прежнему?

Петр. Дарья, отойди!

---

[1] Примечания: 1

Прощеный день — последний день масленичной недели, воскресенье, накануне великого поста. По традиции в этот день близкие родственники и друзья испрашивают прощение за прегрешение друг у друга и с поцелуем прощают обиды.

Даша. Да скажи мне, желанный мой, не утай ты от меня, чем тебе я надоела? Али я не ласкова, что ли, к тебе, Петр Ильич? Али не услужила чем?

(*Петр молчит.*)

Чем прогневала? Голубчик, Петр Ильич, скажи!

Петр. Отойдешь ли ты от меня, или нет?

Даша. Живем мы с тобой всего годочек…

Петр. Дарья!.. (*Замахивается.*) Не вводи в грех!

Даша. Убей ты меня лучше! Не хочу я жить без твоей ласки! Сам ведь ты меня приучил. Зачем же ты меня прежде любил да нежил, я бы уж не привыкала. Помнишь, мой сердечный, дома-то ты, бывало, на меня не наглядишься, а выйдем мы с тобою в праздник на улицу — и сидим целый день обнявшись, за белую руку ты меня держишь, в глаза мне смотришь. Народ-то идет — на нас радуется. Скоро-то, скоро все это миновалося! (*Плачет.*)

Петр. Что миновалось, того не воротишь.

Даша. Да, не воротишь! Да нельзя ж мне и не тужить-то об нем, об том золотом времечке. Петя, может, тебе скучно? Хочешь, я тебе песенку спою, что ты певал холостой?

(*Молчание.*)

Петр. Отстань! Отойди ты, и без тебя тошно.

Даша. Да скажи, что тошно-то? Скажи ты мне, что тошно-то? Ведь я тебе не чужая.

Петр. А то тошно, что ты своими слезами из меня всю душу вытянула, да еще батюшке нажаловалась. Он мне вон каких страстей насулил, поневоле голову повесишь. Что ж ты думаешь, после его брани-то я к тебе ласковей, что ли, буду? Как же, дожидайся!

Даша. Уж коли так, отпусти меня к батюшке.

Петр. Ступай, пожалуй, хоть на все четыре стороны.

Даша. Ну, так прощай.

Петр. Прощай, не поминай лихом, добром нечем.

Даша. Ох, горе мое, горюшко!

Петр. Горе? Вот где горе! Не зальешь его, не затушишь!.. Дайте мне вина! Скорей вина! Шевелитесь!..

Входит Афимья.

Явление пятое

Те же и Афимья.

Афимья. Что тебе?

Петр. Вина дайте.

Афимья. Ты, видно, дитятко, забыл, что отец-то говорил?

Петр. Кто здесь хозяин? Что я, дома у себя или в гости пришел? (*Садится*.) Вина! (*Ударяет по столу*.) Да ты подай хорошенького, нынче масленица.

Афимья. Принесу пойду, что воюешь-то! (*Отходит и останавливается*.) Ты на нее-то посмотри! Видишь, плачет, убивается. Заел ты чужой век, заел!

Петр. Эй, Иван!

Иван входит.

Запрячь мне жеребца вороного, дугу писаную… Проворней!

Даша. Посиди дома-то хоть немножко.

Петр. Нечего мне дома делать, здесь угарно.

Афимья. Какой угар? Что ты выдумал!

Петр. А я говорю, что угарно, так и будь по-моему!

Афимья. Ты скажи только, скажи, варвар, желаю я знать от тебя, за что ты жену-то замучил!

Даша. Тетушка, замолчи.

Афимья. Возьму да уйду, не стану глядеть на вас, чтобы сердце не надрывалось.

Петр. Да уйди, тетка, кто тебя держит; авось

ладу больше будет.

Афимья. Ладу, ладу? Врешь ты. разбойник! От тебя ладу в доме нет.

Петр. Тетушка, пойдешь ли ты за вином, али нет? А то я сам схожу; смотри, как бы хуже не было.

Афимья. Мне чужого не жалко. Пей, пожалуй, коли ты еще не сыт.

Даша. Я пойду схожу.

Афимья. Балуй, ухаживай за ним, а он на тебя и глядеть не хочет.

(*Уходят*.)

Явление шестое

Петр (один).

Петр. Эх, шибко голова болит! Скружился я совсем! (*Задумывается*.) Аль погулять еще? Дома-то тоска. Спутал я себя по рукам и по ногам! Кабы не баба у меня эта плакса, погулял бы я, показал бы себя. Что во мне удали, так на десять человек хватит! А и то сказать, велика радость сидеть с бабами, пересыпать из пустого в порожнее. Уж догуляю масленую, была не была!

Удалая голова.

Не ходи мимо сада,
Не прокладывай следа,
Дороженьки не тори,
Худой славы не клади.

А как голова-то болит; ровно треснуть хочет. Поеду-ка я к своей кралечке, размычу тоску-горе.

Даша входит.

Явление седьмое

Даша и Петр.

Даша. Вот, Петр Ильич, кушай на здоровье.

Петр. Не кажись ты мне! Ишь ты глаза-то скосила!.. Точно яду подаешь! Пить-то из твоих рук не хочу!

Даша. Пропадай ты совсем, измучил ты меня! (*Ставит вино на стол.*)

Иван входит.

Иван. Лошадь готова.

Петр (*наливает стакан и пьет*). Давай. (*Уходит.*)

Явление восьмое

Даша (одна).

Даша. Что же это за мука-мученская! Батюшка-то с матушкой, чай, думают, дочка-то живет в богатстве да в радости, а не знают они того, что я с утра до ночи слезами обливаюся. Что ж делать-то? Наша доля терпеть — потерплю; может, он погуляет, погуляет, да за ум возьмется, опять ко мне придет, голубчик мой. (*Молчит несколько времени.*) Одного только, кажется, не перенесет душа моя, коли он да променяет меня на кого-нибудь. А ведь от него, пожалуй, станется. Лучше возьми он мое сердце да разорви его на части, размечи по чисту полю, чем такое злодейство сделать надо мною.

Вася входит.

Явление девятое

Даша и Вася.

Вася. С широкой масленицей!

Даша. Здравствуй, Вася. Что ты?

Вася. Маленько загулял.

Даша. Чтой-то, Вася! С тобой прежде этого не было.

Вася. С горя, Дарья Агафоновна, с горя, с большой со кручины.

Даша. Полно, что у тебя за горе?

Вася (*садится*). Есть, Дарья Агафоновна, есть. Печаль-тоска несносная!.. Погоди, постой, я с горя песенку запою. Можно?

Даша. Пой.

Вася *(поет).*

Востоскуйся ты, моя сударушка!
По мне возгорюйся.

Даша. Вася, а Вася, что у тебя за горе?..

Вася. Не скажу, вот ни за что не скажу! Хоть сейчас расказните, не скажу.

Даша. Ну а не скажешь, так и не надо.

Вася. И ни… ни… ни за что на свете! (*Поет.*)

…По мне возгорюйся,
Уж и сам-то ли, я сам по тебе, сударушка…

Даша. Ну, Бог с тобой, не говори, я и не спрашиваю.

Вася. Нельзя, не велено… под страхом не велено… он меня убьет.

Даша. Кто он-то?

Вася. Некоторый человек. (*Поет.*)

…Сам я истосковался.

Даша. Вася, а Вася, скажи мне, что я у тебя спрошу.

Вася. Спрашивай.

Даша. Куда Петр Ильич ездит? Ты с ним езжал вместе.

Вася. Этого нельзя. (*Поет.*)

Нападают на меня, меня, сиротинушку,
Ох да лихи люди.

Даша. Вася, ты винца не хочешь ли? Выпей вот вишневочки.

Вася. Нет, боюсь!.. Тятенька — ух!.. и… и не живи на свете!.. Я и то вот хмельненек немножко… так зашел к вам, авось пройдет… а то боюсь… тятеньку до смерти… и… беда!..

Даша. Да ты уснешь у нас, вот и пройдет… Ничего, выпей.

Вася. Нешто один стаканчик.

Даша (*наливает*). Выпей, Вася, ничего.

Вася пьет.

Так ты не скажешь, куда вы ездите-то?

Вася. Никак невозможно этого сделать: не

велел.

Даша (*с испугом*). Как не велел? Да отчего же не велел?

Вася. Так, не велел, да и все тут. Убью, говорит, на месте! Да не спрашивай, Дарья Агафоновна, я ничего говорить не стану.

Даша. Ну, хорошо… ну, хорошо, я не буду спрашивать. Выпей еще, Вася.

Вася. Нет, покорно благодарствуйте, будет… и то мутит… а я тятеньки боюсь.

Даша. Вот, тятенька! Что такое? Нынче масленица. (*Наливает*.)

Вася. Ведь этак, пожалуй, напьешься! (*Пьет*.)

Даша. Ничего. Какой ты, Вася, хороший… тебя, чай, девушки любят… Ишь ты, какой кудрявый! (*Гладит по голове*.) А? любят девушки? (*Наливает вина*.)

Вася. Меня девушки оченно любят. Да только вот одна, что самая которая раскрасавица, надо мной надсмеялася… Конечно, он старшóй… и по торговле, да зачем обижать!..

Даша. За что тебя обижать?

Вася. А он обидел, он шутку сшутил… Да еще какую шутку! а еще благо… бла… благоприятель называется.

Даша. Скажи пожалуй!.. Ну, ну…

Вася. Я все ходил к ней украдкой, потихоньку, потому я боюсь, тятенька узнает… Куда, говорит, ты ходишь?.. Да нет, он не велел сказывать… ты, говорит, и подумать не смей! А то, говорит, ты, пожалуй, сдуру-то жене…

Даша. Васенька, миленький, а какую я тебе невесту сосватаю! Выпей, Вася.

Вася. Не пой ты меня, сделай милость, не пой… а то я пьяный все скажу, а я не должен по-приятельски… и он не велел… Тогда лучше и не живи на свете!

Даша. А какую невесту, Вася! Какая красавица-то, писаная!

Вася (*пьет*). Ну, хорошо, ну, я все скажу… все, за то, что он меня обидел… кровно обидел… надсмешку надо мной сделал!.. Только ты ему не сказывай.

Даша. Не скажу, не скажу.

Вася. Вот, говорит, куда ты ходишь? Я говорю: есть девушка, красавица, живет с матерью, туда, говорю, и хожу… Грушенькой зовут. Возьми, говорит, меня с собой. Взял я его. Вот мы и ходим к ней много раз… много раз… сидим это, растабарываем, пряничков носим… все как следует. Вот я сижу, начинает он к ней подделываться, холостым сказался…

Даша (*отодвигается с ужасом*). Ах, батюшки!

Вася. Ты, говорит, не смей сказывать, что я женатый!.. А старуха-то его руку тянет, потому — богатый. Потом как-то говорит: ты, говорит, проваливай и не смей сюда ходить, а то, говорит, убью! И, говорит, отцу скажу. Что ж, известно, я тятеньки боюсь! Ты, говорю, пи… пи… пиять меня хочешь… Что же, пияй! Отольются тебе мои слезы… Целую неделю, Дарья Агафоновна, я плакал навзрыд, а вот нынче с горя выпил… не мог я этого прео… переломить в себе!

Даша. Ох, горюшко!

Вася (*плачет*). Я человек, у меня сердце, душа есть… чай, она чувствует… Я ведь не каменный!.. У него жена есть, а я сирота… у меня нет никого…

Даша (*встает*). Тетушка, матушка!

Афимья входит.

Явление десятое

Те же и Афимья.

Даша. Тетушка, поскорей соберите меня… я еду к своим… пешком уйду, бегом убегу!..

Афимья. Да что ты?

Даша. Злодей-то мой, тетушка, совсем меня бросил!.. Тетушка, у него есть полюбовница!.. Вот

отчего он дома-то не живет.

Афимья. Ой! что ты? Ах, родная!

Даша. Не он ли мне клялся, всю душу-то проклял, божившись, что одну меня любить будет, а теперь нашел себе здесь какую-то… (*Подходит к Васе и толкает его*.) Кто она такая, а?

Вася молчит.

Спит! Поскорей, тетушка, поскорей… Поеду в Рогожскую, найму лошадей[2]. Легче мне не видать его совсем, чем век с ним горе мыкать. Будет, пожили. Прощай, Петр Ильич!

---

[2] Примечания: 2

Имеется в виду Рогожская ямская слобода, одна из пяти московских ямских слобод, основанных в XVI в.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Изба на постоялом дворе.

Явление первое

Спиридоновна и Яков.

Спиридоновна. Ну, ну, закладывай ступай!

Яков. Что ж, Анна Спиридоновна, я тебе за овес деньги отдал сполна, значит, как есть.

Спиридоновна. Ну, отдал — и конец.

Яков. Да известно… что ж такое… дело масленичное, можно нашего брата и винцом похолить.

Спиридоновна. Уж вы, жиды, из души вытянете. (*Подносит водку*.)

Яков (*пьет и утирается*). Покорнейше благодарим.

Спиридоновна. А в Бунькове Мишке кривому сдай.

Яков. Оно это точно, что ж говорить, Мишка кривой супротив других ловчей будет. Только теперь староста на буньковских ямщиков приказ написал: если будете, примерно, метать промеж себя и тащить, котора половина больше, так и

тащите, а им чтобы не галдить, и чтобы супротив говорить не смели.

Входит Груша.

Явление второе

Те же и Груша.

Груша (*подпрыгивая и похлопывая руками*). Ух, как перезябла вся, беда!

Спиридоновна. А неволя стоять на морозе-то? Точно тебя из избы-то гонят.

Груша. Да уж больно весело на улице-то: парни гуляют, девки гуляют, песни играют, не ушел бы от них, кажется. Я погреюсь да опять пойду. Что-то мне сегодня уж больно весело, девке.

Спиридоновна. А то неужто скучать? Об чем это? Живем хорошо, ожидаем лучше. (*Ямщику*.) Ты что здесь толчешься-то? Ступай закладывай.

Яков (*почесываясь*). Да уж больно мне… тово… неохота от масленой уезжать-то.

Спиридоновна. Вам бы все гулять! Ступай! Ступай! (*Толкает его; ямщик уходит*.) Поди вот попотчуй купцов винцом; сидят там лошадей дожидаются. Пошути там с ними, побалагурь, наври им короба с три, они ведь охотники.

Груша. Да, как же, нужно мне к ним идти!..

Пристают да целоваться лезут; смерть не люблю! Мне и от своих-то парней проходу нет.

Спиридоновна. А к тебе нешто пристанет? А я так люблю купцов. Я вот десять лет постоялый двор держу, десять лет как в огне горю, ни одному мужику против меня не потрафить, так уж навидалась я их. Я после покойника-то твоего отца молоденькая осталась; тогда еще мы в Бунькове держали. Бывало, наедут — пей, гуляй, веселись! Уважаю даже купцов за их жизнь. Только держи себя в струне: языком, мол, что хошь болтай, рукам воли не давай — вот мой обычай! Этот… как его?.. Петр Ильич, что ли? Что он больно часто повадился?

Груша. Ничего, ходит так себе, для времяпровождения. Не гонять же его.

Спиридоновна. Зачем гонять, может и пригодится. Ты его, Груша, блюди, приголубливай, только не больно поваживай. Женись, мол, вот и все тут, и хлопотать не об чем, а на бобах-то, мол, нас не проведешь. А до той поры пущай ходит да гостинцев носит. Что им в зубы-то смотреть!

Груша. Ишь ты, мать! Как же, охота мне замуж! по тех пор и погулять, пока в девках. Еще замужем-то наживуся! Гуляй, девка, гуляй я!

Спиридоновна. Не век же тебе в девках-то си-

деть, а вышла за человека хорошего да за богатого, и ходи как пава… Фу-ты, ну-ты!.. То ль не житье! Пей, ешь на поданном, ложись на постланном, только врозь ползи. (*Уходит.*)

Явление третье

Груша (*одна*). Замужем-то жить трудно! Угождай мужу, да еще какой навернется… Все они холостые-то хороши!.. Еще станет помыкать тобой. А девкам-то нам житье веселое, каждый день праздник, гуляй себе — не хочу! Хочешь — работай, хочешь — песни пой!.. А приглянулся-то кто, разве за нами усмотришь. Хитрей девок народу нет. (*Поет песню.*)

Спиридоновна и Петр входят.

Явление четвертое

Груша, Спиридоновна и Петр.

Спиридоновна. Вот я к тебе гостя привела. Садись, Петр Ильич. Скидай шубу-то.

Петр. Не надо. Я на минуту к вам, проездом заехал.

Груша. Отчего ж на минуту? Посиди.

Петр. Нехорошо днем-то: у вас мало ли народу

толчется — увидят.

Груша. А тебе кого бояться-то?

Петр. Нет, я ужо приеду вечером, в те поры погуляем.

Спиридоновна. Сиди, сиди, небось никто сюда не войдет. А ужо приезжай, милости просим. Выпей-ка винца.

Петр. Не хочу.

Спиридоновна. Полно ломаться-то. Выпей.

Петр. Ну давай. (*Пьет.*) Спасибо.

Спиридоновна. Вот так-то... на здоровье! Смоталась совсем, и день и ночь пьяна, дым коромыслом; такая уж эта неделя, право. (*Уходит; Груша затворяет за ней дверь.*)

Явление пятое

Груша и Петр.

Груша. Что ты такой сердитый? На меня, что ль, сердит?

Петр. Я нынче не в себе, скучно, дела такие есть.

Груша. А ты не скучай. Что за скука!.. Так-то, голубчик мой беленький. (*Поет.*)

Как у молодца у удалого
Печаль-тоска не бывалая;

Что сегодняшнюю-то темну ночь
Печаль-тоска обуяла.

Петр. Уж очень я тебя люблю! Надоть так думать, ты меня приворожила чем ни на есть!

Груша. Что ты! Господь с тобой!

Петр. Возьми ты вострый нож, зарежь меня, легче мне будет.

Груша. Да что с тобой сделалось?

Петр. Несчастный я человек! Ничего и не пойму, ничего не соображу. Голова моя вся кругом пошла! Ровно туману кто напустил на меня!

Груша. Да отчего так? Скажи.

Петр. Говори ты мне прямо, так, чтоб уж я знал: любишь ли ты меня?

Груша. А то скажешь — нет? Известно, люблю.

Петр. Ой ли? Верно твое слово?

Груша (*обнимая его крепко*). Вот как люблю… вот!

Петр. Груша, так ты меня так любишь? Ну, пропадай все на свете! Скажи ты мне теперь: загуби свою душу за меня! Загублю, глазом не сморгну.

Груша. Что ты, что ты?! Нехорошо! Нешто такие слова говорят? В какой час скажется. Вот у нас кузнец Еремка, все этак душой-то своей клялся, в преисподнюю себя проклинал… Ну, что ж, сударь

ты мой… такая-то страсть!.. И завел его на сеновал под крышу. Насилу стащили, всего скорчило. Уж такой-то этот Еремка распостылый! Каких бед с ним не было! Два раза из прорубя вытаскивали, а ему все как с гуся пода.

Петр. Что мне себя жалеть-то? Уж и так пропащая моя голова, заодно пропадать-то! Говори, мое солнышко, чего тебе нужно: золота, серебра, каменьев самоцветных — себя заложу, а тебе подарю.

Груша. Ничего мне, голубчик ты мой беленький, не надо, всего у меня довольно. А ты вот что, парень, люби ты меня, как я тебя люблю.

Петр. Эх, девка! Что балясы-то точишь! Видишь, я в каком разе! Проси, чего хочешь. Дорогого проси!

Груша. Чего у тебя просить-то! А вот что: ходи почаще, носи пряничков послаще, да еще ленту поалее, да гляди на меня помилее, да целуй покрепче… ха, ха, ха!.. Да вот еще я у тебя давно хотела попросить: купи ты мне перстенечек.

Петр. Ужо два привезу.

Груша (*поет*).

Мне не дорог твой подарок,
Дорога твоя любовь!

Золото твое колечко
Прижму ко сердечку.

У нас у всех девушек есть… ну, понимаешь… приятели. Посмотри в праздник, сколь хорошо: на улице сидят все вместе; а ты вот со мной никогда не погуляешь. По крайности я перстенек покажу, что есть у меня такой парень, который меня верно любит. Ты приезжай ужо пораньше, заложим тройку, насажаем девок, поедем кататься с песнями.

Петр. Давай руку. (*Берет руку*.) Значит, кончено! (*Ударяет ее по руке. Груша кивает головой*.) Так на кой нам шут девок! Мы двое поедем.

Груша. Что ж не поехать!

Петр. Поедешь?

Груша. Известно, поеду.

Петр (*целует Грушу*). Вот это люблю! Это по-нашему. Поди посмотри, нет ли кого в избе либо на дворе.

Груша. Что так скоро? Посиди.

Петр. Теперь некогда. Еще вечер-то наш.

Груша. Ну, нельзя, так не надо. (*Уходит*.)

Явление шестое

Петр (*один*). Ух! Загуляю! Эку паву поддел! Нас

ли девушки не любят?

Груша входит.

Явление седьмое

Петр и Груша.

Груша. Ступай, никого там нет, только какая-то старушка приехала, не здешняя.

Петр. Ну, прощай!

Груша. Прощай, соколик.

Петр уходит.

Какие мы девки баловницы! Вот приласкай парня, он и не отстанет, и будет подле тебя увиваться. Только чтой-то он иной раз такой хороший, веселый, а иной раз чудной такой? Что-нибудь у него на душе есть. Может, он что недоброе затевает… так мы с матушкой и двери покажем, у нас недолго! А все будет жаль. Вот шуткой, шуткой, а ведь как полюбила, ажно сердце ноет, так вот и бьется, ровно голубь.

Входит Степанида.

Явление восьмое

Груша и Степанида.

Степанида. А что, девонька, погреться бы у вас тут у печки можно?

Груша. Погрейся, тетенька.

Степанида. Я вот одежонку-то тут положу да мешочки-то вот… Изломало всю… да прозябла немножко; не близко ведь ехать-то, третьи сутки в дороге. А дорога-то, милая, известно, масленица, не первый путь. Ох, ох, ох! В Москву со стариком, девушка, приехали, дочку навестить, да не знаем, где найтить-то. Пообогреемся, ночку переночуем, а завтра пойдем поищем.

Груша. Как же это ты, тетенька, не знаешь, где дочь найти?..

Степанида. В Москве-то всего впервой, толку-то не скоро найдешь; опять же время к вечеру.

Груша. Что ж, она у вас здесь замужем?

Степанида (*усаживается у печки*). А вот, девонька, видишь ты, какое дело-то вышло. Город-то наш на проезжей дороге; мещане мы. Живем-то хоть бедненько, а домишко-то у нас хоть куда. Вот и останавливаются у нас купцы и баре, случается. Семья-то у нас небольшая была: я с мужем да дочка Дашенька; хозяин-то у меня уж старенек. Останавливался у нас проездом купец молодой, начал он Дашу-то уговаривать да улещать. Нам и невдомек такое дело. А в прошлом году, около

святок, и сманил ее у нас.

Груша. Ишь ты, а!

Степанида. Сманил, сманил. Горя-то, горя-то что было! Ну, да уж нечего делать, не воротишь. Только получаем мы от нее письмо из Москвы. Вот оно и теперича со мною… Всё так с собой и ношу. Пишет, просит прощения и благословения от нас нерушимого, и что как приехали они в Москву, он на ней женился, и у него семья и торговля, всё как следует, и что живет она благополучно и с мужем в любви.

Груша. Видишь ты, счастье какое! За купца за богатого!.. Поди-тка ты!.. Знать, из себя хороша?

Степанида. Уж куда хороша!.. Не знаю, теперь как; может, горе-то ее повысушило, а допреж-то этого была такая красавица, полная, да белая… Вот хоть с себя пример возьми.

Груша. Ну, что я за красавица, помелом нарисованная.

Степанида. Нет, что ж, ты хорошая лапушка, видная, и тебя, гляди, хороший жених возьмет.

Груша. Да ведь это, тетенька, какое счастье выдет; не родись пригож, а родись счастлив.

Степанида. Не завидуй, девушка, чужому счастью. Вот мы было и порадовались, что так дал ей Бог. Должно быть, честный человек, хороший, на

ее долю вышел. Да как и не порадоваться? Своя кровь, своя болезнь. Только после этого письма она нам ничего и не писала, и слуху о ней не имели — жива она или нет. Сбирались ехать, да не на кого дома оставить; а вот недавнушко слышали мы от проезжих людей, что муж-то с ней стал дурно жить, нагуливать, хмелем зашибаться. Нечего делать, собрались со стариком, да и поехали. Ну, там, конечно, родня богатая, еще как примут: бывает, мать-то и выгонют. Скука-то меня больно обуяла без дочушки-то!.. Все глазыньки выплакала, от питья, от еды отбило… Сама, милая, посуди.

Груша. Известное дело.

Агафон входит.

Явление девятое

Те же и Агафон.

Степанида. Что это ты, старый, замешкался?

Агафон (*распоясываясь*). Я все с лошадкой: отпряг, поставил на место, сенца дал. Животинку-то жалеть надо; ведь она не скажет. Ну вот, старуха, Бог дал, и приехали, а ты все торопилась. Зачем торопиться-то? Тише едешь, дальше будешь.

Степанида. Да мне больно доченьку-то увидать

хотелось.

Агафон. Вот и увидишь, коли Бог даст. Все своим чередом, торопиться-то никогда не надо.

Степанида. Уж я не чаяла и дожить-то. Ноги-то старые, а то бы так и побежала.

Агафон. Что бежать-то? Ну что бежать-то? Зачем? Баба дура, зачем? А мы смирненько придем, скромненько… всему свое время, свой предел. Достань-ка мне лепешечку из мешка, пожуем пока.

Степанида (*достает*). На́ тебе помягче, а то не угрызешь.

Агафон. Ну, хорошо, ладно. Вот это мне по зубам.

(*Едят молча.*)

Степанида. Что-то наша Даша делает теперь, поглядела б хоть одним глазком.

Агафон. Что? Известно что — свое дело делает; хозяйство есть, чай, хлопочет; люди богатые, не то что мы.

Степанида. А ведь как, чай, трудно ей, бедной, в чужой-то семье!

Агафон. Не в чужой, а в своей.

Степанида. Да говорят, что муж-то ее не любит.

Агафон. Мало что говорят: не всякому слуху

верь.

Степанида. А уж как она, бедная, нам рада-то будет!

Агафон. Известно, рада будет. А все, старуха, чай, маленько зазорно будет на стариков-то своих смотреть. Как ты думаешь, а?

Степанида. Что ж зазорно? Бог ей судья, мы сами не безгрешные.

Агафон. Известно, не безгрешные… А все как-то тово… детищу-то против родителей… как будто не годится.

Степанида. Что ж, Агафон Потапыч, ты ведь в те поры сам первый ее простил.

Агафон. Что ж не простить! Я любовь к ней имею, потому одна, а кого любишь, того и простишь… Я и врагу прощу, я никого не сужу. Да разве я один судья-то? а Бог-то? Бог-то простит ли? Может, оттого и с мужем-то дурно живет, что родителей огорчила. Ведь как знать?

Спиридоновна и Даша входят.

Явление десятое

Те же, Спиридоновна и Даша.

Спиридоновна. Сейчас, матушка, сейчас! Подожди немного, красавица. Лошадок заложут

тебе хороших, мигом довезут. Посиди вот тут, подожди.

Даша (*садится к столу*). Хорошо, я подожду.

Спиридоновна. Что ты, никак плачешь? По родителям, что ли? Аль горе какое есть?

Даша. Нет, так, ничего.

Спиридоновна. Что тосковать-то, нынче масленица. Гляди-ка, народ-то скружился совсем. Масленица ведь один раз в году бывает, не уважать-то ее нельзя. А уж правду-матку тебе сказать, беда как голова болит.

Агафон. Кому масленица, кому и великий пост. Ох, ох, ох…

Спиридоновна. Вестимо, что так. (*К Груше.*) Сунь-ка, Груша, в печку давешние блины-то, годится к ужоткому, к ужину.

Груша. Сейчас, матушка. (*Берет ухват.*)

Спиридоновна. Подальше подвинь, подальше. Ну, да вот эти-то… да вот горшочек-то.

Груша сажает и опирается на ухват.

Даша (*говорит нараспев, сквозь слезы*).

Полечу я пташечкой кукушечкою,
Полечу на матушкину на сторонушку.

Степанида. Что это бабочка-то больно тоскует?

Агафон. Знать, не легко, коли тоскует.

Даша (*продолжает*).

Сяду я во садике да на яблоньку,
Запою, младешенька, жалким голосом.

Степанида. Не наша ли горькая с чужой стороны?

Агафон. Что ты, что ты, старуха!

Степанида. Сем-ка я погляжу пойду. (*Подходит к Даше.*)

Даша (*встает*). Матушка, ты ли это?

Степанида. Дочушка!.. Доченька!

(*Даша кидается к ней на шею.*)

Дитятко ты мое родимое, солнышко мое красное, заря ты моя восхожая, сокровище ты мое ненаглядное!.. (*Садится.*) Потапыч, поди-ка, свет, сюда.

Агафон (*подходит*). Что там у вас?

Даша (*встает*). Батюшка! прости ты непокорную! (*Кланяется.*)

Агафон. Ну, что ты, что ты?.. Ну, Бог с тобой, Бог с тобой!.. (*Садится.*)

Степанида. Уж и где же я тебя встретила!.. Не ждала-то я, не чаяла…

Даша. Ах, тятенька, в глаза-то тебе глядеть мне

совестно!

Агафон. Ну, что про старое толковать!.. Бог с тобой! Кто старое помянет, тому глаз вон. Куда ты это, дочка, собралась-то — скажи ты мне?

Даша. К вам, тятенька, собралась!

Агафон. Ну, это хорошо, доброе дело, что вспомнила. Что ж, тебя муж-то отпустил?

Даша. Нет, тятенька.

Агафон. Как же это нет? Как же нет?

Даша. Да что, тятенька, перед вами мне утаивать не след: жили мы сперва с Петром Ильичом очень хорошо, любил он меня.

Груша вслушивается.

Потом вдруг ни с того ни с сего стал загуливать, пить, дома не бывает, со мной только что ссорится…

Агафон. Ну, что ж, ну, что ж?

Даша. Каждый день брань да ссора. Ну уж, так и быть, перенесла бы я это горе: сама виновата, без воли родительской пошла за него. А то, матушка ты моя, родная ты моя, променял он меня на какую-то… (*Ложится на шею к Степаниде.*) Легко ли это моему сердцу!

Степанида. Что ты? дитятко мое, что ты?

Даша. Нынче, нынче мне Вася сказывал, к нам

ходит. (*Махнув рукой.*) Приятель его!.. (*Со слезами.*) Мой-то холостым, видишь ты, прикинулся!.. (*Опять ложится на плечо.*)

Груша (*бросая ухват*). Ах, матушка! ах, ах!..

Даша. Разлучили меня с другом милым, с сердечным моим…

Груша. Ох!.. Сердце мое!

Даша. Разлучила меня с ним злая разлучница!

Груша. Матушка! Да ведь это я разлучница-то!

Спиридоновна. Что ты плачешь-то? На них, что ли, глядя?

Агафон. Ну, так что ж ты? Ну, что ж ты?

Даша. К вам, батюшки, собралась ехать, опять жить с вами, с моими родными.

Агафон. Как к нам? Зачем к нам? Нет, поедем, я тебя к мужу свезу.

Даша. Нет, батюшка, не поеду я к нему.

Агафон. Да ты пойми, глупая, пойми — как я тебя возьму к себе? Ведь он муж твой? (*Встает.*) Поедемте. Что болтать-то пустяки, чего быть не может! Собирай, старуха, одежонку, собирай… Как ты от мужа бежишь, глупая!.. Ты думаешь, мне тебя не жаль? Ну, вот все вместе и поплачем о твоем горе — вот и вся наша помощь! Что я могу сделать? Поплакать с тобой я поплачу. Ведь я отец твой, дитятко мое, милое мое! (*Плачет и целует*

ее, потом берет свою одежду и подходит к ней.) Ты одно пойми, дочка моя милая: Бог соединил, человек не разлучает. Отцы наши так жили, не жаловались — не роптали. Ужели мы умнее их? Поедем к мужу. (*Берет ее за руку и уходит. Степанида за ними.*)

Явление одиннадцатое

Груша и Спиридоновна.

Груша (*плача*). Матушка, да ведь он женатый!

Спиридоновна. Кто он-то?

Груша (*садясь к столу и закрывая лицо руками*). Петр Ильич!

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

СЦЕНА I

Комната второго действия.

Явление первое

Груша (сидит у стола), Спиридоновна (входит).

Спиридоновна. Что ты сидишь-то тут, бесстыдница! Там соседки пришли, а ты и глаз не кажешь.

Груша. Не пойду я к ним.

Спиридоновна. Вот еще что выдумала! На что это похоже? Сама звала, а теперь прячешься.

Груша. Да, хорошо им!.. Им весело.

Спиридоновна. А у тебя поди-ка какое горе!.. Плюнуть, да и все тут. Вот погоди, приди он только, мы его так турнем, что он своих не узнает... Чтобы он мелким бесом не рассыпался да девок не сманивал.

Груша. Что он не идет-то? Уж мне бы поскорей сердце сорвать! Так бы изругала, так бы изругала! Уж подвернись он только теперь мне!.. Погоди ж ты, постылый ты человек!

Спиридоновна. Да, нужно очень связываться-то!.. Велика невидаль! Мой обычай: поворот от

ворот, да из головы вон! Неужели ж еще думать!.. Поставь-ка орешков на стол да позови девок-то сюда. Полно дурачиться-то, что за слезы!..

Груша (*встает и ставит на стол закуски*). Вот только с сердцем-то не сообразишь, а то не сто́ит он того, чтобы об нем плакать-то. Пойду песню запою, со зла, во все горло, что только духу есть! (*Уходит; слышится заунывная песня.*)

Явление второе

Спиридоновна, потом Груша и девушки.

Спиридоновна. Молодец у меня Груша! Вся в меня, вот как я была смолоду… Еще погулять хочется, молода очень. Ну что ж, пущай погуляет, себя потешит. За этой девкой матери нечего смотреть, мать спи спокойно; ее не скоро оплетешь. Золото, а не девка!

Слышится хоровая песня.

Ну, загуляли мои девушки!.. Эх, не прежние мои года, подурачилась бы с ними.

Входит Груша и девушки.

Ну, что ж замолчали? Попойте, повеселитесь, а я пойду велю вам свои сани запречь, кататься

поедете.

Некоторые девушки. Благодарим покорно, Анна Спиридоновна! Вот весело!

Спиридоновна уходит.

Груша. Девушки! Я нынче гулять хочу! Всю ночь проездим, песни прокричим.

Одна девушка. Что так?

Груша. Хочу себя потешить, своему сердцу волю дать. О! да что тут разговаривать! Давайте винца выпьем, пока матушка не пришла. (*Достает из поставца вино*.)

Некоторые девушки. Что ты, что ты!

Груша. Я вперед дорогу покажу. Ну-ка, впервóй сроду… (*Пьет*.) Ой, как горько! Как это люди-то пьют! Дайте пряничка. Так уж с горя выпила, обидел меня один человек. Пейте, девушки, не ломайтесь, только поскорее! (*Подносит вино; некоторые пьют; все хохочут*.)

Входит Еремка с балалайкой.

Явление третье

Те же и Еремка.

Еремка. Наш атлас нейдет от нас. Все ли вы здесь?

Девушки. Ах, ах! Еремка пришел! Еремка пришел!

Груша. Ты зачем сюда? Непрошеный гость хуже татарина.

Еремка. Да ты что? Какие нынче дни-то! Ты вспомни! А еще хозяйка! Ты меня сперва-наперво винцом попотчуй, а потом я с вами прощаться стану. (*Утирает губы.*)

Девушки. Ишь ты, что выдумал! Как же, дожидайся!

Груша (*поднося вина*). На, выпей, да и убирайся, откуда пришел.

Еремка (*пьет*). Нет уж, он, видно, не уйдет; мне и здесь хорошо.

Груша. Ну, как хочешь, мы тебя к себе не пустим.

Еремка. Не пустите? Я ведь колдун: я с вами шутку сшучу, всех назад затылком оборочу.

Девушки смеются.

Груша. Садитесь, девушки.

Девушки садятся вокруг стола.

Тебе и места нет.

Еремка. Я и на пол сяду, коли места нет, не велик барии. (*Садится и запевает.*)

Я на камушке сижу,

Я топор в руках держу.

Ай люли, ай люли!

Я топор в руках держу…

Груша. Что его слушать-то, девушки, запевайте песню.

Девушки (*поют*).

Исходила младенька все луга и болота,

Все луга и болота, все сенные покосы.

Пристигала младеньку, меня, темная ночка.

Мне ум-то припало про родимого братца.

Уж я стук под окошко, уж я бряк во колечко.

— Дома ль, дома ли братец? Домаль белóй голубчик?

— Дома, дома, сестрица! Дома, бела голубка!

— Ты укрой меня, братец, да от темныя ночи,

Что от темныя ночи, да от лютого зверя.

Входит Петр.

Явление четвертое

Те же и Петр.

Петр (*у двери*). Вот я к веселью-то как раз. Мир вам, и я к вам.

Груша. Милости просим! А мы только хотели кошку в лапти обувать да за вами посылать.

Петр. Здравствуй, Груша! Здравствуй, моя лапушка! Здравствуйте, девушки!

Груша. Здравствуйте и благодарствуйте!

Петр. Ну, девушки, гуляйте, я вам гостинцу принес.

Груша. Благодарим покорно, у нас свой есть, нам чужого не надобно.

Еремка. Давай мне, коли им не надобно.

Девушки смеются.

Петр. Что ты, Грушенька! Аль на тебя нашло что?

Груша. Я пьяна! (*Хохочет.*)

Петр. Что ты, что ты? Подойди-ка ко мне, поцелуемся.

Груша. Как же, дожидайся!

Еремка. Купец! Ты легонько, сироту не задави.

Все смеются.

Груша. Послушайте, девушки-красавицы, я вам притчу скажу. Была некоторая девка. Ну, вот, хорошо. Только девка-то дура. Ходил парень к этой девке, разные речи говорил, только все обманывал: я, говорит, холостой, богатый, такой-сякой, немазаный. Я тебя люблю, за себя замуж возьму… А выходит на деле-то — он женатый.

Петр (*строго*). Что ты, шутишь или смеешься?

Груша. Эх, совесть, совесть!

Петр. Аль насказал тебе кто? Говори прямо.

Груша. Кто бы ни сказал, да сказал.

Петр. Это тебя смущают только, обманывают, а ты и рада верить всякому.

Груша (*смеется*). Ну хорошо! Обманули так обманули. Будь ты честный человек, только от нас подальше. Еремка, давай сироту споем.

Еремка. Давай, запевай.

Груша (*поет*).

Сирота ль ты моя, сиротинушка,
Ты запой, сирота, с горя песенку.

Еремка.

Хорошо песни петь пообедавши,
Уж и я ль, сирота, да не завтракал,

Я не завтракал, да вечор не ужинал.

Груша.

Расскажи, сирота, хоть нам сказочку.

Еремка.

Хорошо говорить, вина выпивши,
Вина выпивши, вдоволь выспавшись:
Уж я ль, сирота, я не выпивши,
У меня, сироты, нету хлебушка.
Нету хлебушка, соли, нету кислых щей.

Купец, давай денег на капусту.

Петр. Пошел прочь! (*Садится у печи.*) Только б мне добраться, кто это тебе насказал, уж не увернулся бы у меня, задал бы я ему память. Васька, что ли? Убью я его!

Груша. Васю мы и в глаза не видали. Что на людей-то сваливать, коли сам виноват.

Петр (*встает*). Нет, это, Груша, не то. Не верь ты никому!.. Всё пороги мои, разлучить нас с тобой хотят, погубить меня хотят! Развяжи ты меня, скажи: шутишь, что ли?

Груша. Не кажись ты мне на глаза! Была глупа, теперь не обманешь! Только нашу беседу расстроил! Хоть бы Вася пришел, потешил бы нас. (*К*

девушкам.) Вот, девушки, люблю парня: не надсмешник, не обманщик, милый человек, можно ему чести приписать; не то что как есть люди, которые могут завсегда лгать, говорят одно, а на уме другое.

Вася входит.

Явление пятое

Те же и Вася.

Петр. Ты зачем?

Груша (*встает и берет Васю за руку*). А ты из чужого дома не гони, не спросясь хозяина. Поди сюда, Вася, не бось.

Вася. Зачем? Тебе что за дело? Взял да и пришел. Что ж такое? Нынче масленица, уж и не погулять мне. Ишь ты какой ловкий!

Груша. Что ж ты, Вася, не целуешься со иной? Целуйся со всеми: нынче дни прощеные.

Вася. Ой, что вы! (*Целуется со всеми*.) Да ведь вот он тятеньке пожалуется. Что ж хорошего.

Петр. Что ж вы со мной делаете, окаянные! Али вам погибели моей хочется?

Груша. Ведь ты холостой?

Вася. Известно, холостой.

Петр. Прощай, Груша! Коли со мной что недоб-

рое сделается, на твоей душе грех будет. Я голова отпетая, ты меня знаешь. (*Подходит к двери.*)

Груша. Ты, Вася, женишься на мне?

Вася. Я бы рад радостью, да как тятенька позволит.

Груша. А ты попроси.

Вася. Уж вот как буду просить! В ногах кланяться.

Петр (*у двери*). Ну, Васька, помни ты это! Ты лучше мне и на глаза не попадайся! Я тебе наперед говорю. Я теперь в себе не властен.

Вася. Да что ты пристал-то? Я, брат, ничего, право слово, ничего.

Петр. Уж я знаю что.

Груша. Не знаешь ты ничего!

Спиридоновна (*в дверях*). Ступайте, девушки, кататься, лошади готовы.

Груша. Пойдемте, девушки; пойдем, Вася.

Петр (*берет ее за руку*). Груша, поедем со мной.

Груша. Как не ехать!

Петр. Поедем, говорю я тебе.

Груша. Что ты, разбойничать, что ли?

Петр. Не пущу я тебя!

Груша. И рад бы не пустить, да пустишь. Воевать-то много не дадим. (*Тихо.*) Ты думаешь, мне Вася сказал? Жена твоя была здесь. Понял ты

теперь? Вот тебе и сказ!

Петр (*хватает себя за голову*). Жена!

Груша. Запевайте, девушки, песню. (*Обращаясь к Петру*.) Ходите почаще — без вас веселей! (*Обнимает Васю*.) Запевайте, девушки, песню, величайте нас, будто жениха с невестой.

Еремка. Возьмите меня с собой.

Груша. Пожалуй, и не надо.

Еремка. Ну, я не запла́чу.

Девушки запевают песню и уходят.

Явление шестое

Петр и Еремка.

Петр подходит к окну.

За сценой слышится продолжение песни, смех и звон бубенчиков.

Петр. Уехали! (*Садится и задумывается*.)

Еремка. Купец, а купец! видно, мы с тобой здесь с тараканами остались.

Петр (*тихо*). Жена была здесь?! Зачем же она была? Ее привел кто-нибудь… Кто-нибудь да привел. (*Вскрикивает*.) Что ж это со мной сделали! (*Закрывает лицо руками и опускается на стол*.)

Еремка. Купец! Что ж ты приуныл! Хочешь,

потешу?

Петр. Искать меня! Следить! Погоди ж ты теперь. А уж коли так, пропадай всё на свете! Покажу ж я себя!.. Уж я теперь наделаю дел!..

Еремка. Так уж, видно, тебе судьба.

Петр. Что?

Еремка. Я говорю: уж, видно, так тому делу и быть. А ты брось, не думай, а то хуже. Хочешь, я тебе песню спою?

Петр (*взглянув на него*). Песню? Какую песню?

Еремка. Вот какую… (*Поет.*)

Куманечек, побывай у меня,
Животочек, побывай у меня,
Побывай, бывай, бывай у меня.
У тебя, кума, собачка лиха!..
Ох, лиха, лиха, лиха, лиха!
Ха, ха, ха, да ха, ха, ха, да ха, ха, ха!..

Петр (*приподнимаясь*). Пошел прочь, пока жив!..

Еремка. Куда мне идти-то? Я здешний; а тебе пора, делать здесь нечего… Было дело, да собака съела.

Петр. Убью я тебя!..

Еремка. Убьешь, так ответишь… Купец, не

плюй в колодец, годится водицы напиться.

Петр. Да отвяжись ты, дьявол! Что тебе от меня нужно, а? Что ты за человек?

Еремка. Из старых нищих молодой обмóрок[3].

Петр смотрит на него.

Купец, я слово знаю.

Петр. Какое слово?

Еремка. А такое слово, что все будет по-нашему, как нам хочется.

Петр. Да ты вправду аль шутя?

Еремка. Уж за то берусь.

Петр. Слушай! Если ты меня не обманываешь, я тебя озолочу.

Еремка. Зачем обманывать! Мы скоморохи, люди вежливые — обмануть не обманем, а своего не упустим, мимо рта не пронесем.

Петр. Бери ты с меня последнюю рубашку, только дело сделай. Вот мне до которых пор приходит. Видишь? (*Показывает на шею.*)

Еремка. Зачем рубашку! Сделаем дело — деньги возьмем; а не сделаем — не надо. Вот сперва-наперво, значит, выпить надоть, другой разговор пойдет. Ты-то, купец, нонче, может быть, пообе-

---

[3] Примечания: 3

То есть способный обморочить кого-либо, обманщик.

дал всласть, да и выпил что следует, так тебе можно разговаривать; а у меня натощак в горле пересохло, да и язык-то, признаться тебе сказать, не шевелится.

Петр (*дает деньги*). На, выпей поди.

Еремка. Ты только деньги-то дай, я еще выпить-то успею, наше от нас не уйдет. (*Берет.*) Вот спасибо! Теперь говорить будем. Я вижу, ты, купец, человек хороший, с тобой знакомство водить можно. (*Садится подле него.*)

Петр. Ну, говори, не томи.

Еремка. Погоди. Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Есть у тебя тоска-кручина, напущена эта кручина на тебя по ветру: тут без ворожбы дело не обойдется. Есть у меня такой человек, из простых, да ловкий, половчей меня будет.

Петр. Страшно!

Еремка. Страшно, так не ходи.

Петр. И может он приворожить девку, чтоб любила, чтоб не она надо мной, а я над ней куражился, как душе угодно?

Еремка. Может; его приворот[4] на тысячу верст действует. Так приворожит, что она из дому убе-

---

[4] Примечания: 4

По народному поверью, заклинания или магические действия, могущие приворотить к кому-нибудь, вызвать приворотную любовь.

жит, да к тебе придет. Только к нему с пустыми руками не ходи, а надо штоф вина да денег рубль. Да не со всяким он еще и разговаривать-то станет, а с кем я прикажу.

Петр. Ну, так поедем.

Еремка. Ты не больно торопись, не во всякий час это делается, надобно знать время. Теперь еще не тот час, а мы прежде пойдем погуляем. У тебя есть деньги?

Петр. Эх, голова, ты в жизнь такой гульбы не видывал, что от меня увидишь!

Еремка. А я тебе такие места покажу, только ух! Дым коромыслом. Только деньги припасай.

Петр. Деньги с нами.

Еремка. Ну и ладно. Пойдем. Вот и я с праздником. (*Поет.*)

Уж и я ли твому горю помогу!

Помогу-могу-могу-могу-могу!

Уходят.

СЦЕНА II

Комната первого действия.

Явление первое

Входят Даша и Афимья со свечкою в руках.

Даша. Тетенька, словно кто-то стучит, не он ли? Посмотри-ка.

Афимья. Как же, он, дожидайся! Уж теперь закатился, так всю ночь прогуляет. (*Заглядывая в двери.*) Я говорю, что никого нет. Пойдет он домой, коли ему в людях весело. Не такое чадочко, чтоб ему дома сидеть. (*Ставит свечу на стол.*)

Даша (*садясь к столу*) Пьет он мою кровь! Легко ли дело, ночь на дворе, а он шатается.

Афимья. А ты что сидишь-то? Поди спать, я его одна подожду. А то еще, на грех, придет хмельной, брань заведет, что хорошего!

Даша. Нет, уж я подожду, у меня что-то сердце не на месте: не случилось бы с мим чего-нибудь!

Афимья. Известно, гульба до добра не доведет… Уж не сносить ему своей головы.

Даша. Ах, тетушка, не говори, и так страшно. (*Молчание.*) Поужинать-то приготовить, неравно

спросит.

Афимья. У меня уж готово, только подать. Еще с каким народом-то водится, кто его знает. Ведь народ всякий есть: навяжется какой оборотень, тому научит, что и подумать-то грех, не к ночи будь сказано. (*Зевает*.) Ишь ты, как спать хочется, ровно как перед бедой; говорят, перед бедой-то сон одолевает… Или так уж, старость-то, что ли? Ты бы почитала поученьице какое на сон-то грядущий, я бы послушала.

Даша (*берет книгу*). Что бы почитать-то? (*Прислушивается*.) Тетушка, стучат.

Афимья. И то стучат. (*Берет свечу и идет к двери*.)

Даша (*у двери*). Что, он?

Афимья. Ох, нехорош! Поди-ка лучше спрячься от греха, нехорош пришел и на меня-то ровно медведь зарычал.

Даша уходит; Петр входит.

Явление второе

Афимья и Петр.

Петр (*садясь*). Ужинать!

Афимья. Сейчас, батюшка, сейчас! (*Ставит на стол ужин*.)

Петр. Зажигай огня!

Афимья. Да где ж теперь? Уж спят все.

Петр. Делай, что я приказываю! Разобью все в прах!.. Щепки целой не оставлю!

Афимья. Ну уж, не сердись, погоди, принесу. *(Уходит.)*

Петр (*пьет*). Смеяться надо мной! Нет, шалишь!.. Не позволю! Будет с меня, посмеялись, выгнали, а я здесь дома… Нет, погоди! Я им не дурак достался!.. Весь дом на ноги подниму!

Входит тетка.

Ты мне тетка, а ты меня не трожь, а то… ух!.. Не дыши передо мной, не огорчай меня! (*Пьет.*) Говори правду: ходила жена со двора? (*Молчание.*) Говори! Я тебя спрашиваю — говори!

Афимья. Да, вот что, Петр Ильич, по правде тебе сказать, не то что она со двора ходила, а вовсе было к своим собралась да уехала.

Петр. Ну и пропадай она пропадом! Провались она!.. И на дух мне ее не нужно…

Афимья. Да со стариками на дороге встретилась и воротилась.

Петр. И не кажись она мне на глаза! Убью! Своими руками задушу! Она мне враг, а не жена! Мне нынче человек сказывал про нее, все сказывал,

он все знает, он колдун…

Афимья. Что ты?.. Бог с тобой! С кем ты водишься!.. Что с тобой?

Петр. Молчать! Он говорит, не жена она тебе, а змея лютая! Вот и кореньев мне дал… Горюч камень алатырь[5]… Привороты все знает, пущает по ветру… Тетенька!..

Афимья. Что ты? Голубчик!

Петр. Страшно мне! Страшно!.. Поди сядь со мной. (*Плачет.*) Обижают меня! Никто меня не любит, извести меня хотят!.. Все на меня, и жена, и все.

Афимья. Сам всему причиной, не на кого пенять.

Петр. Я пьяница, я беспутный, ну, убейте меня!.. Ну, убейте, мне легче будет. Кто меня пожалеет? а ведь я человек тоже! (*Плачет.*)

Афимья. Ну, полно, полно!

Петр. Не то мне обидно, что меня, молодца, Груша не любит, а то мне обидно — не доставайся она никому!

Афимья. Про какую там Грушу ты говоришь, беспутный?.. Какая там еще Груша?

Петр. Какая Груша? Вот какая Груша: нет такой

---

[5] Примечания: 5

По народному поверью, чудодейственный и целительный камень, обладающий способностью исполнять желания.

красавицы на белом свете! Я душу свою погубил за нее! Ну, как мне с ней расстаться? Нас разлучить хотят… вот он!

Афимья. Кто он? Никого тут нет.

Петр. Васька!

Афимья. Поди усни. Ишь тебе уж мерещится.

Петр. Я его убью!.. А жена… она не смей против мужа! Где жена? Подай сюда жену! она моя жена, она моя раба!

Афимья. Ее нет; она ушла с своими, с отцом да с матерью.

Петр (*встает и берет в руки нож*). Куда она ушла? Я ее найду! Из земли вытащу, со дна моря достану!

Афимья. Куда ты пойдешь ночью? Что за срам! Ступай спать.

Петр. Не говори ты мне! Жену подай!.. Жену подай, говорю я тебе!

Афимья. Ну, да нет ее, так и негде взять!

Петр. Я ее найду, я ее найду!

Афимья. Что ты ножом-то махаешь, ну тебя! С тобой страсть одна, да и только.

Петр. Я ее по следу найду!.. Я ее по следу найду! Теперь зима, снег, по следу все видно, месяц светит, все равно что днем. (*Садится.*) Страшно мне, страшно! Вон метель поднялась… Ух, так и гудёт!

Вон завыли… вон, вон собаки завыли. Это они на мою голову воют, моей погибели ждут… Ну, что ж, войте! Я проклятый человек!.. Я окаянный человек! (*Встает.*)

Афимья. Ишь ты, ишь ты! Ах, батюшки, как страшно!

Петр. Нет, не то, тетушка, все не то! Все я не то говорю. Вот что: кабы я не был женат, разве б меня Груша не любила? Я бы женился на ней. Стало быть, жена мне помеха, и во всем мне она поперек… Вот за это я ее и убью… за это за самое…

Афимья. Что мне делать-то с ним, ума не приложу.

В комнате вдруг появляется Еремка, которого видит только один Петр.

Петр. А, благоприятель! Что ж ты смотришь-то на меня? Что ж ты так смотришь? Ведь сам научил, как жену извести!

Афимья. С кем он это говорит-то — никого нету. Наше место свято! Чур меня! Чур меня! Пойти разбудить всех! (*Уходит.*)

Петр (*Еремке*). Что ты говоришь а? Ну да! И я то же говорю, чудак человек! Вместе пойдем! Поскорей, поскорей! (*Останавливается.*) Ха, ха, ха! Смешной ты человек! Вот он ножик-то! (*Уходит.*)

Явление третье

Агафон, Степанида, Даша и Афимья (входят).

Афимья (*взглянув в дверь*). Ушел, ушел, и двери все настежь растворил. Послать людей за ним. (*Уходит.*)

Даша. Вот, матушка, сама ты погляди, как сладко мне жить-то!

Степанида. Ах ты, дитятко мое родимое, головка победная!

Агафон. Погоди, дочка, не ропщи. Живешь замужем-то без году неделя, а уж на жизнь жалуешься.

Даша. Да чего мне ждать и вперед-то, коли отец от него отступился совсем?

Агафон. Отец отступился, да, может, Бог не отступился. Потерпи.

Даша. Рада бы я терпеть, да мука-то моя нестерпимая. Я его не виню, Бог с ним, а жить с ним не хочу.

Агафон. Все это не дело, все это не дело! Ох, ох, ох! Нехорошо! Ты сама права, что ль? Дело сделала, что нас со старухой бросила? Говори, дело сделала? Так это и надо? Так это по закону и следует? Враг вас обуял! Вы точно как не люди!

Вот ты и терпи, и терпи! Да наказанье-то с кротостью принимай да с благодарностию. А то что это? что это? Бежать хочет! Какой это порядок? Где это ты видала, чтоб мужья с женами порознь жили? Ну, ты его оставишь, бросишь его, а он в отчаяние придет — кто тогда виноват будет, кто? Ну, а захворает он, кто за ним уходит? Это ведь первый твой долг. А застигнет его смертный час, захочет он с тобой проститься, а ты по гордости ушла от него…

Даша (*бросаясь на шею*). Батюшка!

Агафон. Ты подумай, дочка милая, помекай хорошенько. (*Плача.*) Глупы ведь мы, люди, ох как глупы!.. Горды мы!

Вася и Афимья входят.

Явление четвертое

Те же, Вася и Афимья.

Вася. Боже мой! Что это такое! Что у нас случилось?

Афимья. А что?

Вася. Да Петр Ильич попался мне на Москве-реке, такой страшный, без шапки, бегает с ножом, ведь того и гляди в прорубь попадет.

Даша. Что же это? батюшки мои!

Вася. Вы бы хоть людей послали за ним.

Афимья. По всем концам разосланы, посылать больше некого.

Агафон. Пойдемте сами, други мои, пойдемте!

Даша. Пойдемте!

Петр входит.

Явление пятое

Те же и Петр.

Петр (*озирается*). Кто тут? Что вы за люди? Жена!.. Живые вы люди или нет? Скажите мне, ради Бога.

Даша. Что с тобой?

Петр. Не сто́ю я, окаянный, того, чтобы глядеть-то на вас! Да и не глядел бы, кабы не чужие молитвы. Простите меня, добрые люди, ради господа! (*Становится на колени.*)

Агафон (*подымая его*). Что ты, что ты? Петр Ильич! Встань, встань!

Петр. Я ведь грешник, злой грешник!.. Уж я покаюсь перед вами, легче мне будет на душе моей. Вот до чего гульба-то доводит: я ведь хотел жену убить… безвинно убить хотел. Взял я тут, пьяный-то, ножик, да и иду будто за ней. Мерещатся мне разные диковины да люди какие-то незна-

комые, я за ними… я за ними… Спрашиваю: где жена? Они смеются да куда-то показывают. Я все шел, шел… вдруг где-то в колокол… Я только что поднял руку, гляжу — я на самом-то юру Москвы-реки стою над прорубем. Вспомнить-то страшно! И теперь мороз по коже подирает! Жизнь-то моя прошлая, распутная-то, вся вот как на ладóнке передо мной! Натерпелся я страху, да и поделом! Вспомнил я тут и батюшкины слова, что хожу я, злодей, над пропастью. Вот они, правдивые-то слова. Так оно и вышло! Уж не забыть мне этой ночи, кажется, до самого гроба! Батюшка, матушка, поживите у нас!.. Помогите мне, добрые люди, замолить этот грех!.. Да и к батюшке-то сходите, скажите ему… сам-то я не смею идти.

Все. Помоги тебе Бог!

Агафон. Что, дочка, говорил я тебе!

Даша (*бросаясь к Петру*). Голубчик, Петр Ильич!

Комментарии

Впервые опубликовано в журнале «Москвитянин», 1855, №17 и 18, сентябрь.

Пьеса «Не так живи, как хочется» написана в пору увлечения Островского и всей молодой редакции «Москвитянина» патриархальным бытом, традициями, русской стариной, песнями, сказами. Если драматическая коллизия первых произведений, впитавших в себя живые наблюдения за повадками и нравами купечества, определялась социальными причинами, то в этой пьесе, основой которой является фольклор, автор обращается преимущественно к морально-этическим проблемам.

Основная мысль драмы так сформулирована самим Островским в его черновой заметке: «Идея пьесы „Божье крепко, а вражье лепко“. Брак — дело божье. — Любовь и сожитие только крепки в браке, только над браком благословение, в браке мир и тишина, несчастие легче переносится, счастие усторяется. Нелюбовь между супругами всегда приводит к дурному и показывает на отсутствие нравственных начал по крайней мере в одном из супругов».

Пьеса строится на конфликте в душе героя идеи долга и человеческого желания, заостренного драматургом до степени своеволия. При этом априорно, уже в названии декларируется безусловное подчинение долгу, смирение перед «заветами».

Критики из молодой редакции «Москвитянина» высоко оценивали драму, которая родилась в их кружке, была вдохновлена их беседами, их симпатиями, всей той духовной атмосферой, которой дышали и жили младославянофилы.

Один из первых печатных откликов принадлежит Тертию Филиппову. В «Русской беседе» он поместил большую статью, в которой оценивал пьесу с ретроградных, ветхозаветных позиций, превознося все то, что представляет самые слабые ее стороны. «Мысль этого произведения, — писал критик, — прекрасно выражается его заглавием: „Не так живи, как хочется“, особенно если прибавить другую половину пословицы: „а как бог велит“; но еще лучше можно бы выразить ее другой пословицей, тут же употребленной: „божье-то крепко, а вражье-то лепко“. Здесь под божьим должно разуметь начало закона, под вражьим начало страсти, воюющей противу закона». По мнению Филиппова, Островский проповедует

«кроткую покорность судьбе», терпение — качества, за которые он особенно хвалит автора.

Вместе с тем, Филиппов считает, что «это произведение, так прекрасно задуманное <…> по исполнению слабее всех других, дотоле писанных произведений г. Островского». Главным недостатком пьесы критик называет «слабость в создании характеров», в частности неудачное исполнение фигур Петра и Еремки. Петру следовало придать больший размах, разгул; у Островского же Еремка «похож более на шута, чем на колдуна и вовсе уж не производит на читателя того околдовывающего впечатления, какое всегда есть в народном изображении этих лиц». Еремка пошл, вызывает своими словами скуку и досаду.

Не удовлетворяет критика и развязка драмы: «..здесь г. Островский показал свою обычную слабость; он не умеет никогда свести своего действия к круглому заключению, которое удовлетворило бы чувству читателя».

Причины недостатков пьесы Филиппов усматривает в неизжитом влиянии на Островского натуральной школы: «…ему как будто мешает ложный стыд и робкие привычки, воспитанные в нем натуральным направлением».

Сходное с этим мнение высказывал Ап. Гри-

горьев. Еще до публикации пьесы в журнале он писал в «Москвитянине»: «Последняя драма Островского, еще более смелая по мысли, широкая по содержанию, новая по характерам, и еще более небрежная по формам, или, лучше оказать, пренебрегающая формами…» Именно после появления «Не так живи, как хочется» Ап. Григорьев объявил Островского «народным поэтом».

И позднее Ап. Григорьев неоднократно обращался к оценке этой пьесы. Так, в статье «Взгляд на русскую литературу со смерти Пушкина» есть любопытное высказывание, из которого очевидно, что критик не верил всерьез в раскаяние Петра, находя, что его смирения достанет лишь «до новой масляницы и до новой Груши». Образ Петра в целом он считал, однако, удачным и отмечал мастерское художественное изображение несколькими чертами размашистой до беспутства широкой русской натуры.

В статье «После „Грозы“ Островского» критик, отрицая сатирический элемент в творчестве Островского, писал, что и эта пьеса «столь мало— сатира, что в изображении главного самодура, старика Ильи Ильича, нет и тени комизма». Ап. Григорьев подчеркивает, что Островский изобразил здесь положительных героев. «Груша в

особенности есть лицо, изображенное положительно, а не отрицательно, изображенное как нечто живое и долженствующее жить». Несмотря на это, критик здесь же признает, что «выполнение» пьесы стоит «ниже гениального замысла».

Особое восхищение Григорьева вызывали сцены, где описывается древний праздник масленицы: «… в драме — кроме ее осязаемых и видимых лиц царит над всем лицо невидимое, жирное, плотское, — загулявшая совсем масляница <…> наиболее уцелевший остаток нашего старого и доселе еще присущего нам язычества, пора полнейшей плотской разнузданности», когда загул, «дикий до беснования, достигает своих крайнейших пределов». Именно в этой статье Ап. Григорьев высказал уверенность, что композитор Серов напишет музыкальную поэму на сюжет драмы.

Восторженным было мнение о пьесе третьего критика из кружка молодой редакции «Москвитянина» — Е. Н. Эдельсона. Через десять лет по выходе пьесы он писал: «В драме <…> „Не так живи, как хочется“ на вас отовсюду веет широко схваченною русскою жизнью, русским духом. В герое Петре Ильиче вы видите чисто русского удалого молодца с его отчасти дикою наклон-

ностью к восторгам самозабвенья или попросту к загулу. Вы чувствуете, как бьется эта сильная натура среди стеснительных для ее воли принципов, жизненных условий и т. п. Вы видите в лицо те силы, которые борются в душе этого страстного человека, и автор до такой степени проникся народным миросозерцанием, что даже олицетворил эти силы почти в том виде, как представляет их себе народ наш. Еремка — почти нечистая сила, мещане Агафон и Степанида представители начала порядка, семейности, одним словом, добра, по народному представлению <…> все, решительно все в этой драме льет яркий свет на характер нашего народа, его религиозные, бытовые и т. п. воззрения».

Воспевание Островским смирения и покорности, возведение этих черт в идеал импонировало и либералу А. В. Дружинину, который считал пьесу «одним из самых поэтических созданий Островского». В статье, опубликованной в «Библиотеке для чтения», он подчеркивал право Островского выразить положительные стороны русской жизни. Особенно его восхищает образ Груши — «верх художественного совершенства и пленительнейшее женское создание изо всех женщин нашего автора». В ней сосредоточены

черты «русской девушки всех лучших наших сказок и песен: простота, бойкость, сила физическая и душевная, горячность, ласковость, веселость, наконец, какая-то особенная удалая грация...» Вместе с тем Дружинин отмечает несценичность развязки и соглашается с предыдущими критиками в том, что колдун Еремка «мелок и нестрашен».

В печати раздавались и суровые критические голоса. В «Русском вестнике» была помещена статья Ф. Д., в которой рецензент, опровергая основные посылки и выводы Филиппова, утверждает, что Островский обратил внимание лишь на одну сторону русского быта и отнюдь не самую характерную. Критик саркастически замечает: «В том быту, который старается изобразить нам автор, мы не видим ничего, кроме крепости, качество, положим, драгоценное, но конечно не единственное в христианском семействе. Мы убеждены, что на этом начале русская жизнь не остановилась и продолжает, в духовном общении с остальными народами, вырабатывать в себе и другие хорошие стороны».

Резкое суждение о пьесе высказал в «Атенее» критик Н. П. Некрасов. Он отвергает идею драматурга: «...кто слепо повинуется закону,

старому обычаю, как бы они ни были жестоки, тот вознаграждается за свое терпение, за свою покорность!..» Даже мягкий и добрый Агафон, отмечает рецензент, выступает проповедником жестокости. В нем нет теплого чувства к дочери, «суровый закон, мертвая буква разбили человека, подавили в нем все свободные чувства человеческие…». Поведение Петра, по мнению критика «Атенея», не имеет достаточного психологического основания: «…превращение негодяя в православно-добродетельного человека все-таки остается чудом в драме г. Островского».

Суровым и пристрастным был отзыв «Отечественных записок». Рецензент Н. Н. (Н. С. Назаров) объявил пьесу «пародией на драму» и закончил статью свою выводом о неуклонном падении таланта драматурга.

Особый интерес представляют оценки критиков революционно- демократического лагеря — Н. А. Некрасова и Н. А. Добролюбова. В «Заметках о журналах за декабрь 1855 года…» Некрасов отмечает в пьесе «живые и мастерски очерченные лица <…> верность языка, русский склад и в жизни и в речи <…> от всех его лиц действительно веет русским духом». «Лучше и выдержаннее всех лиц — Груша. Кажется, так и видишь ее, слы-

шишь ее смех. Это настоящая русская девушка, смышленая, даже лукавая, но с душой, — беззаботно веселая, но с характером».

Следует иметь в виду, что эти «Заметки» писались в то самое время, когда Некрасов старался привлечь на сторону «Современника» все лучшее, талантливое, что было тогда в русской литературе. С Островским уже велись предварительные переговоры о его участии в журнале. Поэтому редактор «Современника» осторожно говорил о недостатках пьесы, но это не помешало ему отметить ее слабые стороны. Так, Некрасов считает, что сцена на постоялом дворе, где автор свел всех своих героев, неправдоподобна; возражает против «крутой развязки». «Внутреннее чувство зрителя не может не смутиться при внезапной перемене возвращающегося Петра, и никакая игра актера тут помочь не может».

Основной недостаток Островского Некрасов видит в том, что драматург преднамеренно сужает себя, подчиняет «системе», приступает к изображению русской жизни «с наперед принятым воззрением». Нетрудно уловить здесь намек на славянофильские увлечения Островского. «Нам остается желать, — заключает Некрасов, — чтобы г. Островский шел вперед своею дорогой, не стес-

няя и не задерживая самого себя…».

Наиболее глубокое истолкование идейного смысла драмы дал Добролюбов в статье «Темное царство». Анализируя более чем десятилетний период творчества Островского, критик рассматривал пьесу в системе произведений, написанных к этому времени, как драму, разоблачающую социальный порок — самодурство. Именно с этой точки зрения оценивал он коллизию драмы, характеры и поступки действующих лиц. Петр ведет себя как самодур, который «считает себя вправе нарушить, когда ему угодно, даже те правила, которые им самим признаны…». «Самодурный быт» вытравляет в человеке все человеческие черты, если даже от рождения он наделен мягким и отзывчивым характером, как, например, отец Дарьи Агафон: «…как добр и чувствителен этот старик и как он в то же время жестокосерд, единственно потому, что не имеет никакого сознания о нравственном значении личности и все привык подчинять только внешним законам, установленным самодурством».

О художественных недостатках пьесы Добролюбов говорил осторожно, ссылаясь на предыдущую критику. «В литературном отношении пьесу эту признают незамечательною, упрекают в слабо-

сти концепции, находят натяжки в некоторых сценах и пр.».

И сам Островский сознавал, что пьеса не имела большого успеха. В статье «Литературная заметка» (конец июля 1856 г.) он писал: «Холоднее других была принята только драма „Не так живи, как хочется“. Но укажите нам хоть одного драматического писателя, которого бы все пьесы имели одинаковый успех».

Художественные достоинства пьесы критики разных направлений оценивали сдержанно или даже скептически. Лишь немногие литераторы принимали пьесу безусловно. К числу их относился Лев Толстой. А. А. Стахович записал разговор с Толстым, бывший в ноябре 1886 г.: «Л. Н. вспомнил, что, когда появилась драма Островского „Не так живи, как хочется“, он, получив номер журнала, в котором она была помещена, прочел ее вслух при Тургеневе, очень хорошо и особенно удалась ему роль Груши — ее молодое, разудалое веселье и поразившее ее неожиданное горе». Возможно, что «Власть тьмы» была навеяна драмой Островского. Из слов Стаховича известно, что он читал больному Толстому пьесы Островского и Гоголя в октябре 1886 г., после чего Толстой энергично начал писать «Власть тьмы».

Впервые публика познакомилась с драмой в постановке Малого театра: 3 декабря 1854 г. пьеса была показана в бенефис актера К. Н. Полтавцева. К этому дню Островский спешно дописывал свою драму. Кроме Полтавцева — Петра роли исполняли: Илья — В. А. Дмитревский, Даша — Н. М. Медведева, Афимья — С. П. Акимова, Агафон — П. М. Садовский, Степанида — М. Д. Львова- Синецкая, Вася — С. В. Васильев, Спиридоновна — Е. М. Кавалерова, Груша — Л. П. Никулина-Косицкая, Еремка — П. Г. Степанов и другие.

Спектакль не имел большого успеха, хотя рецензент «Санкт-петербургских ведомостей» Н. Назаров в своем отчете высоко оценивал игру московского ансамбля: «…не нахожу достаточно слов, чтоб хвалить их. И г-жа Акимова в роли тетки Афимьи, и г. Дмитревский (Илья), и г-жа Никулина-Косицкая (Груня), и г. Степанов в роли Еремки — все были превосходны». Особо выделял Назаров Садовского. «Из второстепенной роли Агафона он сделал резкий тип живого человека <…> Ест ли Садовский лепешку дорожную, говорит ли он жене, что не след торопиться и сокрушаться по-пустому, высказывает ли он свою задушевную мысль, — вы так и видите перед глазами сухого и несколько простоватого старичка,

который давным-давно забыл свою молодость; но все это без суровости, без гнева, с кротостью…».

Сам бенефициант заслужил серьезный упрек. Полтавцев (Петр) «следует трагической рутине, встряхивает поминутно головою, таращит глаза, особенным образом вскрикивает <…> ни манеры его, ни дикция не соответствуют ролям купцов».

«… Автора этой драмы, — заканчивает Назаров свою корреспонденцию, — вызывали по окончании пьесы три раза (т. е. он три раза появлялся в ложе), но (увы) далеко не единодушно…».

Пьеса продержалась на сцене недолго. В середине февраля 1855 г. по случаю смерти Николая I театры были закрыты на полгода. По окончании траура она не была включена в репертуар.

В 1860 г. П. Г. Степанов возобновил ее в свой бенефис. Драма была сочувственно встречена московской публикой. Театральный рецензент «Московских ведомостей» А. Н. Баженов писал: «Публика, как видно, дала себе труд пристальнее всмотреться в Илью, Дашу и Грушу; она увидела в них живых людей, которым не чуждо все человеческое; словом, она поняла их, а поняв, не могла отказать нм в сочувствии».

В течение последующих пяти лет драма прошла десять раз. Она шла в том же составе, что

и при первой постановке, поэтому суждения об отдельных ее исполнителях такого тонкого знатока театра, каким был Баженов, представляют большой интерес. Особенно нравилась ему ма́стерская, богатая нюансами и полутонами игра Никулиной-Косицкой. В сцене с Петром «у нее не пропало ни одно слово». Когда Груша узнает, что Петр женат, она произносит одно только выразительное «А-а-а!», в котором «сквозь принужденную радость, вылилась вся желчь оскорбленной души бедной девушки».

Видимо, Полтавцев, так неудачно выступивший в премьере, учел замечания рецензентов. Теперь Баженов отзывается о его исполнении весьма похвально: «…г. Полтавцев довольно полно и живо передал роль Ильи [ошибка — имеется в виду Петр]; он показал его нам со всех сторон, во всех главнейших психических фазах: перед нами был то тиран — муж, то нежный, то отчаянный, то одумавшийся любовник, но всегда прямой и добрый человек». Критик находит, однако, что Полтавцеву не удалась заключительная сцена, где он слишком утрировал свое «хмельное состояние».

«Остальные роли довольно бледные <…> нашли себе хороших исполнителей и не пропали».

В Петербурге драма впервые была поставлена в Александрийском театре 12 января 1855 г., в бенефис А. Е. Мартынова. Роли исполняли: Илья — М. И. Григорьев, Петр — П. С. Степанов, Даша — А. М. Читау, Афимья — Ю. Н. Линская, Агафон — В. В. Самойлов, Степанида — П. К. Громова, Вася — П. И. Зубров, Спиридоновна — О. А. Рамазанова, Груша — Е. М. Левкеева, Еремка — А. Е. Мартынов.

«Санктпетербургские ведомости» поместили очень суровый отчет об этом спектакле за подписью W. Объявив, что вся пьеса написана поспешно, сшита на живую нитку, критик нашел в ней одну сцену, верную действительности, — сцену Даши и Васи в первом действии. Узнав об измене мужа, «Даша, едва держась на ногах, тащится до двери, призывает тетку и для выражения своей горести находит только слово: „Променял!“. Г-жа Читау вела всю эту сцену превосходно и была вызвана; напрасно только она так много размахивала руками, чтобы выразить отчаяние Дарьи…».

Рецензент умолчал об игре Мартынова, ограничившись замечанием, что кузнец Еремка «нисколько не нужен для хода драмы, а вставлен только для наполнения сцены». Самой неудачной критик называл сцену на постоялом дворе,

когда раскрывается обман Петра. Груша пьет, объявляет, что пьяна, и это, по мнению критика, отвратительно. Левкеева, считает он, неудачно воспроизвела на сцене неудачно же выполненный автором характер. Тот же упрек Левкеевой делает в «Хронике Петербургских театров» и А. И. Вольф. Несмотря на многие патетические сцены, — пишет хроникер, — пьеса поразила публику своим реализмом. Драма в кабаке и пьяная героиня показались многим профанацией искусства.

До закрытия театров по случаю смерти Николая I пьеса была сыграна всего три раза.

В октябре 1864 г. Левкеева возобновила драму на сцене Александрийского театра в свой бенефис. Отзывы современников об этом спектакле противоречивы. Рецензент «Санктпетербургских ведомостей» В. Александров, отмечая, что театр был полон, считает все же, что «пьеса вторично пала». Причину этого он видит в плохом актерском исполнении. Вольф же находит, постановку удачной: Левкеева «по-прежнему играла Грушу и играла хорошо <…> В этот раз драма с пьяною Грушею не показалась уже слишком реальною, и молодое поколение смотрело ее с удовольствием. Как видно, в течение десяти лет вкус публики значительно изменился под влиянием новых

идей, проникших в литературу и в общество.

Летом 1872 г. драма дважды была дана в Московском народном театре на Политехнической выставке. В роли Петра дебютировал замечательный русский актер Модест Писарев.

Петербургская газета «Голос» поместила довольно резкий отзыв о спектакле, приписывая дебютанту неуспех пьесы. Рецензент признавал, правда, что при повторении артист исправил все недостатки и был местами очень хорош. В корреспонденции «Голоса» отмечалась также своеобразная трактовка образа Агафона. Актер К. Ф. Берг, по мнению критика, создал новый тип Агафона, не похожий на тип Садовского, противопоставив физическую мощь героя его нравственной немощи, бессилию воли. У его Агафона — апатичный мир души и совести.

С подробным разбором игры каждого исполнителя выступил в «Московских ведомостях» Д. В. Аверкиев. Спектакль в целом он считал удачным и высказал множество интересных и тонких замечаний об исполнении Писарева. «...Удальство Петра, его тоска и бред (в третьем акте), страстность его натуры, переходящая порой в дикость, были выражены мастерски. Отдельные штрихи <...> поражали своей смелостью, силой, твердо-

стью и оригинальностью». По мнению Аверкиева, Писарев обнаружил здесь крупное дарование на исполнение сильных драматических ролей.

В январе 1890 г. пьеса была показана в Обществе искусства и литературы. Роль Петра исполнял К. С. Станиславский. Позже Он писал, что роль совершенно не удалась ему, и анализировал причину провала. «В роли и пьесе большая широта, разгул, сильные страсти, психологическое нарастание и трагический подъем». Станиславский считал, что не сумел передать внутреннего образа богатыря Петра «с широкой русской душой, стихийным темпераментом, большой любовной страстью, переходящей в ревность, отчаяние, безумие». Характерно, что Станиславский всю вину за неудачу брал на себя, признаваясь, что внутренне не вжился в образ, и свой неуспех не пытался объяснить несовершенством пьесы.

При жизни Островского в Москве, в Малом театре, пьеса прошла 18 раз, в Петербурге, на сцене Александрийского театра, — 10 раз (последний спектакль в Москве состоялся 30 апреля 1882 г., в Петербурге — 6 февраля 1883 г.).

Идея создать музыкальное произведение на тему драмы принадлежит Ап. Григорьеву. Эту мысль он неоднократно высказывал А. Н. Серо-

ву, которому импонировали широкая песенная стихия драмы, элементы народного сказа. Жена композитора вспоминает,что, перечитывая драму в 1867 г., он пришел в восхищение. «Какой музыкальный сюжет! — вырвалось у него невольно».

23 апреля 1867 г. композитор обратился к драматургу с предложением написать либретто будущей оперы. «Еще с покойным Аполлоном Григорьевым, — писал Серов, — мы много раз толковали, что это отличный сюжет для русской народной оперы, где кроме действующих лиц пьесы будет еще одно, для драмы невозможное: это — „сама широкая масляница“, во всем ее русском разгуле, — попойка, песни, катанье на тройках с бубенчиками и т. д., будет и ново, и живо, и все как следует…».

Островский ответил уклончиво. Писал, что сюжет «неудобен» для оперы, «мелок, весь интерес вертится на загуле <…> в этом сюжете мало картинности для сцены», рекомендовал искать сюжет у других писателей.

Серов продолжал настаивать. 26 мая 1867 г. он вновь пишет Островскому, что пьеса его обладает внутренним драматизмом, необходимым для оперы, и дает возможность создать чисто русскую

народную оперу.

Островский соглашается написать либретто. 4 июня в Щелыкове он принимается за работу, а уже к 20-му оканчивает первый акт. Серов был очень доволен началом. Получив из Щелыкова первую картину, он писал Островскому: «…Вы *хорошо* понимаете, что именно требуется *музыкально-сценическими* условиями». К январю 1868 г. Островский закончил либретто и передал его Серову. 8 января композитор в письме благодарит писателя за присылку либретто, называя его «образцовой вещью».

Однако в дальнейшем Серов изменил свое отношение к присланному драматургом материалу. Через полгода, 28 июня 1868 г., он пишет Островскому, что считает либретто неоконченным, требует дать опере «кровавую развязку» — Даша в исступлении должна сама броситься на нож Петра. Серов намечает совершенно иной план либретто, требует изменения характеров и коллизии. Жена Серова писала: Островский «к сцене масленичного загула примешал бесов — настоящих, с хвостами, рогами и проч. чертовскими атрибутами, — якобы смущающих толпу загулявших; а Еремку выставил <…> полудиаволом в зипуне». К тому же Серову «чуялась

неизбежная роковая катастрофа в конце».

Актер А. Н. Витмер вспоминает свой разговор с Серовым о либретто оперы. «Когда Серов говорил о предположенном им изменении сюжета комедии Островского и я спросил его, зачем он хочет это сделать, тем более, что звон колокола казался мне, профану, хорошей темой для музыканта, А. Н. Серов отвечал, что так кончить, кончить по Островскому, значило бы кончить ничем: драма назревала и должна была привести к трагическому концу, а иначе „зачем бы было и огород городить“».

Островский настаивал на своей концовке. Дело кончилось тем, что Островский перестал отвечать на письма. Серов привлек к работе над либретто оперного переводчика П. И. Калашникова, потом занялся им сам совместно со своим знакомым А. Ф. Жоховым. Либретто было написано, финальная сцена его резко отличалась от развязки драмы. Название оперы «Вражья сила» было взято из либретто, написанного драматургом (эти слова — «вражья сила» — произносит у Островского одно из действующих лиц). Работу над оперой Серов закончить не успел. Вступление и пятое действие были оркестрованы Н. Ф. Соловьевым уже после смерти композитора.

Первая постановка «Вражьей силы» состоялась в Мариинском театре в Петербурге 19 апреля 1871 г. Дирижировал Э. Ф. Направник.

В Большом театре в Москве опера была исполнена 15 ноября 1881 г.

Л. Н. Смирнова